

УДК 811.112.2`27

ИНТРА- И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

П.Е. Карташова

Тверской государственный университет, Тверь

При исследовании языковой вариативности следует учитывать не только влияние лингвистических факторов, таких как языковая эволюция, языковая экономия, языковая аналогия и др., но и экстралингвистический контекст, например, территориальную, стилистическую, стратификационную, ситуативную дифференциацию языка. Данное положение проиллюстрировано анализом обусловленности вариантной флексии немецкого прилагательного.

Ключевые слова: *социолингвистика, стилистическая / территориальная / стратификационная / ситуативная вариативность, интра- и экстралингвистические факторы, вариантная флексия немецкого прилагательного.*

«Вариативность естественного языка есть следствие его манипулятивного качества, обеспечивающего также полифункциональность и субъективность языка, развивающихся в сложной, подвижной и изменчивой социальной жизни общества» [1: 51]. Данное определение языковой вариативности всесторонне отражает её обусловленность, заключающуюся не только в реализации внутренних закономерностей развития языка, но и в воздействии разнородных внешних по отношению к языку факторов. Наиболее целесообразным в связи с этим является деление факторов возникновения вариативности в языке на интралингвистические и экстралингвистические.

Интралингвистическое направление, анализируя организацию языковой системы, опирается на базовый принцип устройства языка: инвариант-вариантные отношения языковых единиц. Данное направление можно считать речевым, текстовым, прагматическим, так как оно предполагает прежде всего анализ речевых проявлений определённой функциональной единицы языка [там же]. Основными интралингвистическими факторами языковой вариативности являются:

1) закон языковой экономии (стремление носителей языка свести к минимуму свои умственные и физические усилия, следствием которого является возникновение кратких форм, например, изменение словообразовательных моделей, морфологических форм, синтаксических конструкций, образование усечённых форм, аббревиатур и сложносоставных слов);

2) закон языковой аналогии (уподобление одной модели языкового выражения другой по форме и содержанию, направленное в основ-

ном на преодоление внутренних аномалий языка, например: выравнивание ударения в разрядах слов, объединяемых по какому-либо формальному признаку, уподобление морфологических форм или уподобление форм управления в синтаксисе);

3) закон языковой эволюции.

Языковая вариативность как следствие языковой эволюции:

«... является показателем языковой избыточности, но избыточности, дающей толчок к движению, развитию. Убывание вариантов – постоянный процесс, так же как и появление новых вариантов. Исчезновение вариантов происходит путём вытеснения их вариантом более сильным, целесообразным, по разным причинам признанным в качестве литературного. Варианты могут разойтись семантически и дать толчок для образования самостоятельных слов, кроме того, варианты могут служить стилистическому обогащению языка, если они способствуют перераспределению стилистических оценок (книжное – разговорное, общеупотребительное – профессиональное и т.п.)» [3: 94].

В широком смысле системно организованные совокупности вариативных элементов языка проявляются в дифференциации идиома, т.е. в появлении различных форм существования языка. В то же время вариативность языка проявляется в использовании отдельных вариативных элементов, обусловленных ситуацией общения или социальным статусом коммуникантов, при этом способность использовать вариативные средства языка относится к составляющим понятия «владение языком» [6: 36]. В этом случае речь идёт об экстралингвистической обусловленности возникновения вариативных элементов, включая:

- территориальную обособленность и влияние диалектов;
- демократизацию стандартного языка за счёт стремительного проникновения в него разговорной речи;
- социальную стратификацию носителей языка;
- различия сфер человеческой деятельности;
- стилистическое лоббирование в определённой коммуникативной ситуации;
- актуальные политико-экономические условия;
- влияние других иностранных языков и процесс заимствования из них языковых единиц;
- воздействие языкового субстрата и влияние экспорта языка;
- рост общей культуры и влияние грамотности / неграмотности носителей языка.
- воздействие СМИ и всемирной сети Интернет;
- влияние психодинамических и нейрофизиологических особенностей личности говорящего и др.

В связи с этим выделяют следующие виды вариативности:

- 1) диатопическую (географическую или территориальную) вариативность: соотношение «стандартный язык – диалект / региолект»;
- 2) диастратическую (социальную или стратификационную) вариативность: соотношение «стандартный язык – социолект»;
- 3) диахроническую (историческую) вариативность;
- 4) диафазическую (стилистическую и ситуативную) вариативность;
- 5) диамезическую вариативность: соотношение «устная – письменная речь».

Продукты данных видов вариативности – диалекты / региолекты, социолекты, акролекты / мезолекты / базилекты историолекты, функциолекты, идиолекты – являются своего рода векторами языковой системы, пронизывающими все её подуровни. При этом следует отметить, что воздействие экстралингвистических факторов распространяется в большей степени на фонетическую, лексико-семантическую сферы, что вызывает ещё больший интерес к рассмотрению вариативности морфолого-синтаксических единиц, например, частных случаев морфологического оформления немецкого атрибутивного прилагательного в составе группы существительного, в которой атрибут осложнён дополнительным препозитивным компонентом. Рассмотрим обусловленность вариативности на примере вариативной флексии атрибутивного прилагательного после местоимённого прилагательного *solch-*.

Начальная точка отсчёта вариативности флексии атрибутивного прилагательного после детерминатива *solch-* в именительном / винительном падежах множественного числа соотносится с XVIII веком, первая половина которого считается временем интенсивного формирования норм немецкого литературного языка нового периода. Существенную роль в процессе эволюции играло становление группы имени существительного, в которой с XVIII в. достаточно прочно утвердился принцип монофлексивного кооперирования. Воздействию закона языковой эволюции подверглась и рассматриваемая нами синтаксическая конструкция. Если в языке художественной литературы XVIII в. *solch-*, за редким исключением, имел параллельные с прилагательным окончания, например: *solche auffallende Fehler* (К. Р. Moritz. Anton Reiser. Выделение подчёркиванием здесь и далее наше – П.К.), то в XIX в. слабой флексией прилагательного характеризуется 31% всех сочетаний с *solch-*, например: *solche psychologischen Rätsel* (Т. Fontane. Effi Briest), но *auf solche phantastische Dinge* (Е. Т. А. Hoffmann. Rat Krespel), а в материале XX в. монофлексивную структуру имеет уже 53% атрибутивных групп, например: *solche herbeigezauberten Pilze* (О. Preussler. Krabat), но *um solche kleine Handlangerdienste* (F. Dürrenmatt. Justiz).

В теоретической литературе существует мнение, разделяемое рядом авторов (см.: [4: 80]), оправдывающее наличие двух вариантов

склонения атрибутивного прилагательного в сочетании с *solch-* с семантическим нюансом «качество или степень»: после препозитивного слова-сопроводителя *solch-* определительное прилагательное склоняется по сильному типу, если *solch-* выражает качество и означает примерно «такой, подобный»; по слабому типу – если оно выражает степень, подобно наречию *so*. В первом случае оно, следовательно, сочинено с атрибутивным прилагательным, в последнем – подчинено ему, например:

«In solchem (so beschaffenem, derartigem) frevelhaftem Mute schrieb ich an meinen Freund in Frankfurt.

Solche (so bunte) bunten Kleider liebe ich nicht.» [8: 119]

Подобное различие значений *solch-*, однако, не может служить однозначным основанием для выбора флексии последующего атрибутивного прилагательного, подтверждением чего являются атрибутивные группы в винительном падеже множественного числа, взятые из произведений одного и того же периода (рубежа XIX–XX вв.), в которых местоименное прилагательное *solch-* очевидно выражает степень последующего качественного прилагательного, при этом влияет на его флексию не одинаково:

solche schöne Indianergeschichten (K. May. Winnetou IV);

durch solche schrecklichen Schwüre und Gelübde (G. Keller. Der grüne Heinrich).

Наряду с действием закона языковой эволюции в данном случае проявляется такой обуславливающий вариативность интралингвистический фактор, как «способность различных в формальном отношении единиц передавать в процессе функционирования один и тот же релевантный признак денотативного значения в одной и той же синтаксической позиции» [2: 7].

Немаловажным условием является также зависимость от функционального стиля и подстиля исследуемого текста. Начало XXI в. является периодом стремительного утверждения монофлексивности атрибутивной группы с препозитивным флексивным компонентом *solch-*, при этом обнаруживается различная степень его детерминативности (в данном контексте, способности детерминировать окончания последующего прилагательного) в текстах художественного и публицистического стилей: соответственно 63% и 86% исследованных атрибутивных групп кооперируются по принципу монофлексии. Обращает на себя внимание ещё тот факт, что большинство примеров нарушения монофлексивной структуры рассматриваемых сочетаний в публицистической литературе взяты со страниц газеты «Moskauer Deutsche Zeitung», базирующейся в Москве, в то время как классические немецкие издания «FAZ», «Focus», «Stern», «Spiegel» используют стремящуюся стать языковой нормой

слабую флексию атрибутивного прилагательного после *solch-*, что является наглядной демонстрацией влияния территориального фактора.

Для дальнейшего рассмотрения влияния на вариативность экстралингвистических факторов вернёмся к примерам из художественной литературы XX в., при исследовании которой сделано наблюдение, что авторы, использовавшие менее употребительную на данном этапе развития языка сильную флексию прилагательного после *solch-*, не являются собственно немецкими писателями: Ф. Кафка (австрийский писатель), Ф. Дюрренматт (швейцарский писатель), Г. Гессе (швейцарский писатель немецкого происхождения).

solche scheinbare Helfer (F. Kafka. Das Schloss);

um solche kleine Handlangerdienste (F. Dürrenmatt. Justiz);

solche unerhörte, kühne, ja erschreckende Einsichten und Ahnungen (H. Hesse. Kurgast);

solche gaumenschmeichelnde, mir seit Jahren nicht mehr bekannte Platten (там же).

Можно предположить, что этот факт не является случайностью, и выбор конкретной формы прилагательного в данном случае детерминруется действием диалектально-географических факторов, влияющих на вариативность общего плюрицентрического немецкого языка в его национальных вариантах: тевтонизмах (для немецкого языка Германии), австрицизмах (для Австрии) и гельветизмах (для Швейцарии) (подробнее см.: [5: 62]).

Вариативность флексии прилагательного в исследуемых атрибутивных группах нередко встречается в рамках одного и того же произведения или в нескольких произведениях одного автора, например: И. Айхендорф «Из жизни одного бездельника» (1826), Г. Келлер «Зелёный Генрих» (1855), Т. Фонтане «Эффи Брист» (1895), Я. Вассерман «Дело Маурициуса» (1928), «Каспар Гаузер» (1908), Ф. Кафка «Процесс» (1918), «Замок» (1922). Ещё И. Керейн отмечал, что нет правил синтаксиса, которые было бы так же трудно установить, как правила, касающиеся сильного и слабого склонения прилагательных, так как писатели расходятся в употреблении этих склонений не только друг с другом, но и сами с собой [7: 198]. Однако при анализе примеров вариантной флексии из данных произведений в более широком контексте было определено, встречается ли вариативность в речи автора, персонажа или разных персонажей. Данный факт позволяет предположить существование более сложных механизмов выбора сильной и слабой флексии прилагательного, что может быть обусловлено действием целого ряда факторов.

Рассмотрим примеры атрибутивных групп в винительном падеже множественного числа из текстов авторов XIX в., периода, когда предпочтительным являлось употребление сильной флексии атрибутивного прилагательного после слова-сопроводителя *solch-*. Именно сильной

флексией оформляются прилагательные в речи автора и главного персонажа, при том что менее употребительная в тот языковой период слабая флексия обнаруживается в речи персонажей с яркой социальной окраской или в ситуациях общения с выраженной эмоциональностью:

И. Айхендорф «Из жизни одного бездельника»

Пример сильной флексии (речь персонажа – бездельника):

«<...> – *wieviel solche hundsföttische Striche wollt ihr denn noch bezahlt haben?»*

Пример слабой флексии (речь персонажа – г-на Экбрехта):

«<...>, *aber ich kehre mich an solche oberflächlichen Urteile nicht, ich halte mich an deine feingespitzte Nase, ich halte dich für ein vazierendes Genie.*»

Г. Келлер «Зелёный Генрих»

Примеры сильной флексии (речь автора):

Von diesen brach ich immer ansehnlichere Stücke los und formte nun im kleinen solche großköpfige wunderliche Burschen, <...>.

Пример слабой флексии (речь персонажа – Юдифь):

«*O liebster Heinrich! Geh nach der Stadt, aber versprich mir, dich nicht selbst zu binden und zu zwingen durch solche schrecklichen Schwüre und Gelübde! Laß dich...»*

Т. Фонтане «Эффи Брист»

Пример сильной флексии (речь персонажа – Эффи Брист):

«*Und solche fremde Leute habt ihr viele in Kessin?»*

Примеры слабой флексии (речь персонажа – майора Крампаса)

«<...> *Wie soll ich solche psychologischen Rätsel lösen? Ich bin ein einfacher Mann.*»

Приведённые контексты демонстрируют черты как стратификационной дифференциации языка, «обусловленной разнородностью социальной (классово-стратификационной) структуры общества, <...> обнаруживающейся между представителями различных социальных слоёв и социальных групп» [6: 203], так и ситуативной вариативности, проявляющейся в осознанном выборе и употреблении социально маркированных языковых элементов во взаимосвязи с определённой социально-коммуникативной ситуацией.

Таким образом, рассмотрение вариативности языковых элементов в совокупности интра- и экстралингвистических аспектов её формирования позволяет заглянуть в глубину этого фундаментального свойства языка, понять закономерности его функционирования, описать предпосылки и перспективы его развития.

Список литературы

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1993. 182 с.

2. Безрукая А.Н. Лексико-семантические и фонетические манифестации языковой вариативности (на материале английского языка Великобритании, США и Канады): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Белгород, 2009. 19 с.
3. Валгина В.С. Активные процессы в СРЯ. М: Логос, 2001. 304 с.
4. Карташова П.Е. Вариантная флексия атрибутивного прилагательного на материале немецкой художественной литературы XVIII-XX вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тверь, 2011. 167 с.
5. Ланских Ю.В. Австрийский немецкий или о чём не знает Дуден // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2014. № 11. С. 62–68.
6. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М: Изд-во Института языкознания РАН, 2006. 312 с.
7. Kehrein J. Laut und Flexionslehre. Leipzig: Verlag von Otto Wigand, 1863. 295 S.
8. Wetzel Ed. u. Fr. Die deutsche Sprache: Eine nach methodischen Grundsätzen bearbeitete Grammatik für höhere Lehranstalten und für Schulunterricht. Bielefeld, Leipzig: Quelle & Meyer, 1904. 115 S.

INTRA- AND EXTRALINGUISTIC CONDITIONING OF LANGUAGE VARIATION

P. Kartashova

Tver State University, Tver

For the research of language variation it is useful to consider not only the influence of the linguistic factors, such as language evolution, language economy, language analogy etc., but also the extralinguistic context, for example, territorial, stylistic, stratificational, and situational variations of language. Conditioning of German adjectival variant flexion illustrates our thesis.

Keywords: *sociolinguistics, stylistic / territorial / stratificational / situational variation, intra- and extralinguistic factors, variant flexion of German adjective.*

Об авторе:

КАРТАШОВА Полина Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: polikart@mail.ru